

ЛИНЕЦКИЙ Н.А.¹

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ), Новосибирск, Россия.

ЦИТИРОВАТЬ СТАТЬЮ: Линецкий Н.А. Статус цифрового кочевника и учёт цифровой трудовой миграции в ЕАЭС/ Н.А. Линецкий // Экономические системы и управление. – 2026. – Т.1, №1. – С.51-64. – DOI 10.68553/esm.000005

УДК 331.5:004.9

JEL: J21, J61, O33

Статус цифрового кочевника и учёт цифровой трудовой миграции в ЕАЭС

Аннотация. Распространение дистанционной работы осложняет учёт трудовой миграции: работник может проживать в одной стране, получать доход с внешнего рынка труда и не менять место жительства, тогда как специальная виза может быть выдана человеку, который после переезда работает на местного работодателя. Статья посвящена оценке того, насколько правовой статус цифрового кочевника пригоден для измерения цифровой трудовой миграции в государствах Евразийского экономического союза. Цель исследования – установить, какие характеристики занятости подтверждают национальные миграционные режимы и какие дополнительные сведения нужны для статистического учёта. На основе сравнительного анализа законодательства и официальных разъяснений рассмотрены подходы Казахстана, Кыргызстана, Армении, Беларуси и России. Показано, что сходные названия статусов могут обозначать разные модели занятости. В Казахстане Neo Nomad Visa ориентирована на удалённую работу и доход из-за рубежа, а Digital Nomad Visa – на привлечение востребованных IT-специалистов. Например, в Кыргызстане закреплён самостоятельный статус цифрового кочевника, а в рассмотренных режимах Армении, Беларуси и России сопоставимая категорию выделить не удалось. Следовательно, число выданных виз нельзя отождествлять как численность цифровых трудовых мигрантов. Для определения этой группы необходимо учитывать фактическое место работы сотрудника, территорию работодателя или заказчика, цифровой способ работы, устойчивость трудовой связи и источник дохода. Практическая значимость результата – формирование минимального набора признаков для сопоставимого наблюдения, при котором работающие лица отделяются от сопровождающих членов семьи, а люди от повторных документов и отдельных эпизодов занятости.

Ключевые слова: дистанционная занятость, Евразийский экономический союз, миграционный статус, трудовая миграция, цифровые кочевники.

Digital Nomad Status and Digital Labour Migration Measurement in the EAEU

LINETSKY N.A.¹

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH" (NSUEM), Novosibirsk, Russia.

CITATION: Linetsky N.A. Digital Nomad Status and the Accounting of Digital Labor Migration in the EAEU / N.A. Linetsky // Economic Systems and Management. – 2026. – Vol. 1, No. 1. – P. 51-64. – DOI 10.68553/esm.000005

Abstract. The spread of remote work complicates labour migration measurement: a worker may live in one country, earn income from an external labour market and remain in place, while a person holding a special visa may relocate and work for a local employer. This article assesses whether digital nomad legal status can be used to measure digital labour migration in the Eurasian Economic Union. The study aims to identify which employment characteristics are confirmed by national migration regimes and what additional information is required for statistical measurement. A comparative analysis of legislation and official guidance covers Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia, Belarus and Russia. The findings show that similarly named statuses may represent different employment models. Kazakhstan's Neo Nomad Visa targets remote workers earning income from abroad, whereas its Digital Nomad Visa focuses on attracting in-demand IT professionals. Kyrgyzstan has established a separate statutory status for digital nomads; no comparable standalone category was identified in the regimes examined in Armenia, Belarus or Russia. The number of visas issued therefore cannot be treated directly as the number of digital labour migrants. Classification also requires information on the actual place of work, the location of the employer or client, the digital mode of work, the stability of the employment relationship and the source of income. The practical contribution is a minimum set of characteristics for comparable measurement that separates workers from accompanying family members and distinguishes people from repeated documents and individual employment episodes. The proposed approach should next be tested using labour force survey data and administrative systems across the EAEU.

Keywords: digital nomads, Eurasian Economic Union, labour migration, migration status, remote employment.

Введение

Цифровизация позволяет человеку находиться в одной стране и работать на компанию или заказчика из другой. Такая трудовая связь не всегда отражается в миграционной статистике. Возможна и обратная ситуация: специальный миграционный статус получает специалист, который после переезда работает в офисе местного работодателя. Если объединять эти случаи только по названию визы, оценка цифровой трудовой миграции будет неточной. Для ЕАЭС эта проблема особенно заметна, поскольку общий рынок труда действует одновременно с национальными правилами въезда и проживания.

В русскоязычной литературе правовые и миграционные аспекты цифрового кочевничества рассматриваются с разных позиций. С. В. Рязанцев и Н. С. Рязанцев показывают, что государства используют специальные программы для привлечения удалённых работников и нередко отбирают заявителей по уровню дохода [1]. В. В. Таишева на материале российской IT-сферы подчёркивает, что продолжительное проживание в одном месте плохо

согласуется с буквальным пониманием кочевничества [2]. Б. Н. Бокаев и соавторы обращают внимание на разрозненность правового регулирования и сложности определения налогового резидентства [3]. Эти работы раскрывают содержание правового статуса, но не дают единого правила статистического отнесения человека к цифровой трудовой миграции.

Исследования организации труда показывают, почему для такого учёта недостаточно миграционного документа. А. В. Шевчук описывает платформенную координацию работников и заказчиков, которые могут находиться на разных территориях [4]. Н. В. Тонких показывает, что последствия дистанционной занятости зависят от трудового опыта и семейных обстоятельств [5]. А. Р. Шерстнева обосновывает выбор локации цифровых кочевников с различными сценариями мобильности [6]. Следовательно, правовой статус, способ организации работы и фактическая мобильность – смежными, но не тождественными характеристиками.

В работах иностранных авторов также отсутствует одна общая дефиниция. Д. Кук связывает цифровую релокацию как с дистанционной работой, так и с территориальной мобильностью [7]. К. Коскела и П. Беккерс отмечают, что визовые программы преследуют разные цели принимающих стран – от поддержки туризма до накопления человеческого и финансового капитала [8]. Это означает, что одинаковое слово «digital nomad» в названии режима не гарантирует одинаковых критериев отбора.

В период пандемии появилось различие между дистанционной работой и мобильностью. К. Эн, А. Жорже и М. Маркес-Пита описывают, как ограничения изменили маршруты цифровых кочевников [9]. М. Холлеран рассматривает данную тенденцию как выбор территории с более выгодным соотношением доходов и расходов [10], а М. Ноттинг показывает, что мобильность сопровождается не только экономическими преимуществами, но и социальными ограничениями [11]. Следовательно, можно сделать вывод, что результаты важны для анализа поведения, но сами по себе не решают задачу подсчёта работников.

На уровне государственной политики Я. Беднорз систематизирует способы привлечения цифровых кочевников и показывает разнообразие визовых требований [12]. А. Боцци приходит к сходному выводу при обзоре исследований территориальной мобильности: цифровые кочевники различаются по длительности пребывания, маршрутам и связи с конкретными местами [13]. Поэтому число выданных разрешений характеризует работу миграционного режима, но не полностью описывает трудовую связь.

А. Дживасидди и соавторы рассматривают цифровых кочевников как часть экономики посетителей на примере Чиангмая и показывают роль местной инфраструктуры и сообществ [14]. Ю. Хенкенс дополняет эту картину анализом жизненного пути: для части работников высокая мобильность является временным этапом, после которого возрастает стремление к территориальной устойчивости [15]. Эти выводы подтверждают, что единица наблюдения должна быть привязана к периоду, а не к постоянной характеристике человека.

Наиболее близко к предмету статьи подходят Х. К. и А. Триандафиллиду, которые рассматривают цели государств при введении виз цифровых кочевников [16]. Однако даже сравнительный анализ визовых программ не отвечает на вопрос, какая фактическая занятость стоит за выданным документом. Именно этот разрыв между правовой категорией и статистическим наблюдением составляет исследовательскую проблему статьи.

Цель исследования – определить, насколько национальные способы выделения цифровых кочевников пригодны для учёта цифровой трудовой миграции, и сформировать минимальный набор признаков статистического наблюдения. Для достижения цели решаются три задачи: сопоставляются миграционные режимы пяти стран ЕАЭС; устанавливается, какие характеристики труда подтверждает каждый режим; формулируются правила, позволяющие отделить работников от сопровождающих лиц, повторных документов и иных случаев. Объект исследования – правила въезда и условия

пребывания в странах ЕАЭС лиц, которые могут работать дистанционно. Предмет исследования – соответствие этих правил признакам цифровой трудовой миграции.

Материалы и методы

Проведён качественный сравнительный анализ законодательства стран ЕАЭС и официальных разъяснений государственных органов. Для каждого режима фиксировались основания въезда или проживания, требования к профессии, наличие дистанционной работы, источник и уровень дохода, возможность включения членов семьи и связь статуса с постоянным проживанием. Затем эти признаки сопоставлялись с рабочим определением цифровой трудовой миграции. Ограничение метода состоит в том, что нормативный акт описывает условия получения статуса, но не подтверждает фактическое поведение его обладателя после въезда. Поэтому результаты позволяют оценить пригодность правовых категорий для наблюдения, но не дают численности цифровых трудовых мигрантов.

В статье используется рабочее авторское определение цифровой трудовой миграции: это форма занятости, при которой человек регулярно выполняет работу дистанционно с использованием цифровых технологий для работодателя или заказчика, находящегося вне региона его постоянного проживания. В таком понимании миграция относится к перемещению труда между территориальными рынками в цифровой форме и не требует физического переезда самого работника. Определение охватывает как международную, так и межрегиональную занятость.

Для отнесения занятости к цифровой трудовой миграции используются четыре признака: выполнение трудовых функций дистанционно с использованием цифровых технологий; территориальное несовпадение места проживания работника и работодателя или заказчика; устойчивая, а не разовая трудовая связь; получение трудового дохода с внешнего для территории проживания рынка труда.

Результаты и их обсуждение

Данные о выданных визах в ЕАЭС заведомо охватывают не всех удалённых работников. Статьи 96 и 97 Договора о Евразийском экономическом союзе связывают трудовую деятельность граждан государств-членов с работой по трудовому или гражданско-правовому договору в государстве трудоустройства; разрешение на работу для них не требуется [17]. При этом договор не выделяет дистанционную занятость на работодателя из другого государства в самостоятельную статистическую группу. Гражданство, право на пребывание, место выполнения работы и территория получения дохода остаются разными характеристиками.

Наиболее показателен Казахстан, где различие видно внутри одной группы визовых режимов.

Правила оформления приглашений и выдачи виз предусматривают категории B12-1 и B9-1 [18]. Neo Nomad Visa (B12-1) ориентирована на удалённую работу с доходом из-за рубежа. Digital Nomad Visa (B9-1) связана с привлечением востребованных ИТ-специалистов и переходом к постоянному проживанию. Первая категория ближе к предложенному определению цифровой трудовой миграции (ЦТМ). Вторая подтверждает востребованность навыков специалиста, но сама по себе не доказывает, что он продолжает работать на внешний рынок. Поэтому переезд программиста и его трудоустройство в казахстанскую компанию с офисной формой занятости нельзя учитывать как ЦТМ только из-за названия визы.

В Кыргызстане Закон от 18 ноября 2024 года № 181 закрепил статус цифрового кочевника для иностранцев, занятых в сфере информационных технологий, разработки программных продуктов и иных установленных областях [19]. Порядок присвоения статуса определён постановлением Кабинета Министров от 30 апреля 2025 года № 241 [20]. Основным фильтром выступает профессиональная деятельность, однако для статистической идентификации всё равно требуется установить территорию работодателя или заказчика и источник трудового дохода.

В Армении Закон «Об иностранных лицах» предусматривает общие основания временного пребывания, включая занятие предпринимательской деятельностью [21], чем может воспользоваться удалённый сотрудник, однако регистрация бизнеса не показывает, где находятся его заказчики и каким способом выполняется работа.

В России статья 25.6 Федерального закона № 114-ФЗ не устанавливает самостоятельную категорию виз для цифровых кочевников [22]. Отсутствие специального режима не доказывает отсутствия цифровой трудовой миграции: часть соответствующих трудовых связей формируется вне визовой статистики.

Официальные разъяснения Казахстана подтверждают различие целей двух режимов: B12-1 предназначена для удалённой работы при сохранении зарубежного дохода, а B9-1 – для востребованных IT-специалистов, переезжающих для получения постоянного проживания [23]. Следовательно, даже внутри одной страны название статуса нельзя использовать без проверки условий его предоставления.

В официальном перечне въездных виз Беларуси категории различаются по сроку и цели поездки; отдельное сочетание дистанционной работы и иностранного источника дохода не выделено [24]. Это также не исключает фактической удалённой работы иностранцев, но не позволяет обнаружить её по названию визы.

Сопоставление национальных режимов и их пригодности для оценки ЦТМ представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сопоставление миграционных режимов стран ЕАЭС с признаками цифровой трудовой миграции

Государство	Правовой режим	Основной критерий	Значение для оценки ЦТМ
Казахстан	Neo Nomad Visa B12-1; Digital Nomad Visa B9-1	B12-1 – дистанционная работа и зарубежный доход; B9-1 – востребованная IT-профессия и путь к постоянному	B12-1 ближе к ЦТМ, но обе категории требуют проверки фактической трудовой связи

		проживанию	
Кыргызстан	Статус «Цифровой кочевник»	Профессиональная деятельность в установленных сферах	Выделяет потенциальную группу, но не подтверждает территорию заказчика и источник дохода
Армения	Общие основания временного пребывания	В том числе предпринимательская деятельность	Специальная категория не выделена; бизнес-регистрация не подтверждает дистанционную внешнюю занятость
Беларусь	Общие категории въездных виз	Срок и цель поездки	Дистанционная работа с иностранным доходом отдельно не идентифицируется
Россия	Общие категории виз	Цель въезда по Федеральному закону № 114-ФЗ	Самостоятельная категория отсутствует; фактическая ЦТМ может не попадать в визовую статистику

Источник: составлено автором по результатам сравнительного анализа.

Разницу целесообразно рассмотреть вне специальной визовой терминологии. Житель Новосибирска, постоянно работающий онлайн на московское подразделение, может соответствовать межрегиональной ЦТМ, хотя он никуда не переезжал. Специалист в Казахстане с постоянным иностранным заказчиком может соответствовать международной ЦТМ. Неработающий супруг, сопровождающий получателя визы, в эту группу не входит. Во всех случаях проверяется занятость человека; документ лишь помогает найти его в административных данных.

Для оценки следует учитывать страну и регион проживания, место фактического выполнения работы, территорию работодателя или заказчика, цифровой способ выполнения трудовых функций, продолжительность связи и источник трудового дохода. При нескольких заказчиках нужно фиксировать их распределение и долю внешнего дохода. Под территорией работодателя целесообразно понимать подразделение, с которым связана работа, а не автоматически юридический адрес головной компании. Иначе местная занятость в филиале международной организации будет ошибочно отнесена к трансграничной.

Единицей подсчёта должен быть человек за выбранный период. Повторная выдача или продление документа не означает появления нового

работника. Поэтому при подсчёте людей необходимо связывать повторные записи с одним лицом, а сопровождающих членов семьи учитывать отдельно от работающих обладателей статуса.

Если данных недостаточно, случаи следует разделять по степени определённости: отдельно учитывать тех, у кого внешняя трудовая связь подтверждена, предполагается или не установлена. Самоидентификация человека как цифрового кочевника полезна для изучения образа жизни, но недостаточна для оценки занятости и источников дохода.

Такое разделение важно и при анализе экономических последствий. Человек может получать доход из-за рубежа и тратить его в стране пребывания, поддерживая местный спрос. Однако рост расходов не означает такого же роста местного производства. Иная ситуация возникает, если специалист устраивается в местную компанию: здесь речь идёт больше о пополнении рынка труда, чем о притоке внешнего трудового дохода.

Отдельная проблема – период наблюдения. Годовой подсчёт удобен для сравнения стран, но за ним могут скрываться короткие периоды работы и переезды между несколькими государствами. Поэтому число людей за год следует дополнять данными о продолжительности фактической работы и пребывания. Один человек может за год работать из двух стран и попасть в статистику обеих. Для каждой страны это отдельный эпизод занятости, но при общей оценке по ЕАЭС возникнет двойной счёт. На уровне объединения необходимо отдельно считать уникальных людей и эпизоды работы и заранее указывать используемую единицу наблюдения.

Таким образом, одного показателя числа выданных виз недостаточно. Для оценки экономических последствий его необходимо дополнять сведениями о характере трудовых связей, продолжительности работы, расходах и налогах.

Не менее важно заранее определить случаи, не относящиеся к исследуемой группе. Перевод из-за рубежа ещё не означает оплату труда: это могут быть личные сбережения или помощь семьи. Использование

приложения для поиска заказа также не делает работу дистанционной. Например, заказ местной доставки через иностранную платформу не переносит услугу на внешний рынок. Поэтому в анкете следует спрашивать не только о платеже и посреднике, но и о выполненном задании. В пограничных случаях нужно сохранять исходные ответы, а не присваивать категорию по одному признаку. Это позволит проверить результат при изменении определения ЦТМ и оценить, насколько итоговая численность зависит от выбранных правил.

Заключение

Сравнение пяти государств ЕАЭС показывает, что правовой статус цифрового кочевника нельзя использовать как готовый показатель цифровой трудовой миграции. Национальные режимы отбирают получателей по разным основаниям, а часть удалённых работников находится вне специальных программ.

Практический результат исследования – набор признаков, позволяющий проверить связь между местом проживания и внешним рынком труда. Следующий шаг – испытать его на данных о реальной занятости и согласовать правила учёта повторных документов, нескольких заказчиков и смешанных доходов.

Для сопоставимой статистики важнее одинаково описывать работу людей, чем вводить одинаковые названия виз.

Библиография

1. Рязанцев С. В., Рязанцев Н. С. Миграция «цифровых кочевников»: глобальные тренды и позиции стран // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 2. С. 116–126. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126> EDN: HRMPVT.
2. Таишева В. В. Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 460–479. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479> EDN: YGUV EV.
3. Бокаев Б. Н., Торебекова З. Т., Наурызбек М. Д., Бактияров А. Д. Правовой статус и механизмы регулирования цифровых кочевников в контексте глобальной миграции // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2025. Т. 115. № 3. С. 28–34. DOI: <https://doi.org/10.26577/JAPJ202511533>.

4. Шевчук А. В. Теоретизируя цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 5. С. 11–53. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-11-53> EDN: BWBНIE.
5. Тонких Н. В. Влияние дистанционной занятости на разные сферы жизни: субъективные оценки россиянок // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 5. С. 66–92. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-66-92>.
6. Шерстнева А. Р. Резидентная мобильность цифровых кочевников в агломерации Денпасара // Городские исследования и практики. 2023. Т. 8. № 3. С. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp83202348-64>.
7. Cook D. What is a digital nomad? Definition and taxonomy in the era of mainstream remote work // World Leisure Journal. 2023. Vol. 65(2). P. 256–275. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1080/16078055.2023.2190608>.
8. Koskela K., Beckers P. Typologizing Digital Nomad Visas: Comparing Policy Rationales from Tourism to Wealth Accumulation to Immigration // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. 2024. Vol. 26(5). P. 407–425. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13876988.2024.2343696>.
9. Ehn K., Jorge A., Marques-Pita M. Digital Nomads and the COVID-19 Pandemic: Narratives About Relocation in a Time of Lockdowns and Reduced Mobility // Social Media + Society. 2022. Vol. 8(1). (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051221084958>.
10. Holleran M. Pandemics and geoarbitrage: digital nomadism before and after COVID-19 // City. 2022. Vol. 26(5–6). P. 831–847. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2022.2124713>.
11. Holleran M., Notting M. Mobility guilt: digital nomads and COVID-19 // Tourism Geographies. 2023. Vol. 25(5). P. 1341–1358. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1080/14616688.2023.2217538>.
12. Bednorz J. Working from anywhere? Work from here! Approaches to attract digital nomads // Annals of Tourism Research. 2024. Vol. 105. Article 103715. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103715>.
13. Bozzi A. Digital nomadism from the perspective of places and mobilities: a literature review // European Transport Research Review. 2024. Vol. 16. Article 50. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1186/s12544-024-00663-z>.
14. Jiwasiddi A., Schlagwein D., Cahalane M., Cecez-Kecmanovic D., Leong C., Ractham P. Digital nomadism as a new part of the visitor economy: The case of the “digital nomad capital” Chiang Mai, Thailand // Information Systems Journal. 2024. Vol. 34(5). P. 1493–1535. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1111/isj.12496>.
15. Henkens J. H. D. Digital nomadism from a life course perspective // Advances in Life Course Research. 2025. Vol. 64. Article 100673. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2025.100673>.
16. KC H., Triandafyllidou A. Digital Nomadism and the Emergence of Digital Nomad Visas: What Policy Objectives Do States Aim to Achieve? // International Migration Review. 2026. Vol. 60(1). P. 71–92. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1177/01979183241306367>.

17. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. Ст. 96–97. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 15.09.2026).

18. Правила оформления приглашений, согласования приглашений на въезд иностранцев и лиц без гражданства в Республику Казахстан, выдачи, аннулирования, восстановления виз Республики Казахстан, а также продления и сокращения сроков их действия: утв. совместным приказом МИД Республики Казахстан от 24.11.2016 № 11-1-2/555 и МВД Республики Казахстан от 28.11.2016 № 1100. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600014531> (дата обращения: 15.09.2026).

19. Закон Кыргызской Республики от 18.11.2024 № 181 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в законы Кыргызской Республики «О внешней миграции», «О внешней трудовой миграции»)». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5427/edition/21560/ru> (дата обращения: 15.09.2026).

20. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 30.04.2025 № 241 «Об утверждении Положения о порядке присвоения иностранным гражданам статуса «Цифровой кочевник» («Digital Nomad»)». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-42651/edition/33756/ru> (дата обращения: 15.09.2026).

21. Закон Республики Армения от 25.12.2006 № ЗР-47-Н «Об иностранных лицах». Ст. 14–16. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/60933> (дата обращения: 15.09.2026).

22. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Ст. 25.6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 15.09.2026).

23. Kazakhstan Introduces New Visa Options for Skilled Professionals and Digital Nomads (2025). Министерство иностранных дел Республики Казахстан. (На англ.). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfarriga/press/article/details/194459?lang=en> (дата обращения: 15.09.2026).

24. Въездные визы. Документы визовой поддержки. Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: https://www.mfa.gov.by/visa/ru_visa_types/ (дата обращения: 15.09.2026).

References

1. Ryazantsev S. V., Ryazantsev N. S. Migration of “Digital Nomads”: Global Trends and States’ Approach // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68(2). P. 116–126. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126> EDN: HRMPVT.

2. Taisheva V. V. Digital Nomads and Migration Processes in the Russian IT: A Political Analysis // RUDN Journal of Political Science. 2022. Vol. 24(3). P. 460–479. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479> EDN: YGUVFV.

3. Bokayev B. N., Torebekova Z. T., Nauryzbek M. D., Baktiyarov A. D. Legal Status and Regulatory Framework of Digital Nomads: An Analysis in the

Context of Global Migration // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2025. Vol. 115(3). P. 28–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26577/JAPJ202511533>.

4. Shevchuk A. V. Theorizing Digital Platforms: A Conceptual Framework for the Gig Economy // Journal of Economic Sociology. 2023. Vol. 24(5). P. 11–53. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-11-53> EDN: BWBHIE.

5. Tonkikh N. V. Family-Work and Private Life of Women: Qualitative Changes in the Remote Working Environment // Journal of Economic Sociology. 2023. Vol. 24(5). P. 66–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-66-92>.

6. Sherstneva A. R. Residential Mobility of Digital Nomads in Denpasar Greater Area // Urban Studies and Practices. 2023. Vol. 8(3). P. 48–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp83202348-64>.

7. Cook D. What is a digital nomad? Definition and taxonomy in the era of mainstream remote work // World Leisure Journal. 2023. Vol. 65(2). P. 256–275. DOI: <https://doi.org/10.1080/16078055.2023.2190608>.

8. Koskela K., Beckers P. Typologizing Digital Nomad Visas: Comparing Policy Rationales from Tourism to Wealth Accumulation to Immigration // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. 2024. Vol. 26(5). P. 407–425. DOI: <https://doi.org/10.1080/13876988.2024.2343696>.

9. Ehn K., Jorge A., Marques-Pita M. Digital Nomads and the COVID-19 Pandemic: Narratives About Relocation in a Time of Lockdowns and Reduced Mobility // Social Media + Society. 2022. Vol. 8(1). DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051221084958>.

10. Holleran M. Pandemics and geoarbitrage: digital nomadism before and after COVID-19 // City. 2022. Vol. 26(5–6). P. 831–847. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2022.2124713>.

11. Holleran M., Notting M. Mobility guilt: digital nomads and COVID-19 // Tourism Geographies. 2023. Vol. 25(5). P. 1341–1358. DOI: <https://doi.org/10.1080/14616688.2023.2217538>.

12. Bednorz J. Working from anywhere? Work from here! Approaches to attract digital nomads // Annals of Tourism Research. 2024. Vol. 105. Article 103715. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103715>.

13. Bozzi A. Digital nomadism from the perspective of places and mobilities: a literature review // European Transport Research Review. 2024. Vol. 16. Article 50. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12544-024-00663-z>.

14. Jiwasiddi A., Schlagwein D., Cahalane M., Cecez-Kecmanovic D., Leong C., Ractham P. Digital nomadism as a new part of the visitor economy: The case of the “digital nomad capital” Chiang Mai, Thailand // Information Systems Journal. 2024. Vol. 34(5). P. 1493–1535. DOI: <https://doi.org/10.1111/isj.12496>.

15. Henkens J. H. D. Digital nomadism from a life course perspective // Advances in Life Course Research. 2025. Vol. 64. Article 100673. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2025.100673>.

16. KC H., Triandafyllidou A. Digital Nomadism and the Emergence of Digital Nomad Visas: What Policy Objectives Do States Aim to Achieve? //

International Migration Review. 2026. Vol. 60(1). P. 71–92. DOI: <https://doi.org/10.1177/01979183241306367>.

17. Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014. Arts. 96–97. (In Russ.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed on: 15.09.2026).

18. Rules for invitations and visas of the Republic of Kazakhstan, approved by joint orders of the Ministry of Foreign Affairs of 24 November 2016 no. 11-1-2/555 and the Ministry of Internal Affairs of 28 November 2016 no. 1100. (In Russ.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600014531> (accessed on: 15.09.2026).

19. Law of the Kyrgyz Republic of 18 November 2024 no. 181 amending the laws on external migration and external labour migration. (In Russ.). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5427/edition/21560/ru> (accessed on: 15.09.2026).

20. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic of 30 April 2025 no. 241 approving the procedure for granting Digital Nomad status to foreign citizens. (In Russ.). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-42651/edition/33756/ru> (accessed on: 15.09.2026).

21. Law of the Republic of Armenia of 25 December 2006 no. HO-47-N on Foreigners. Arts. 14–16. (In Russ.). URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/60933> (accessed on: 15.09.2026).

22. Federal Law of 15 August 1996 no. 114-FZ on the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation. Art. 25.6. (In Russ.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (accessed on: 15.09.2026).

23. Kazakhstan Introduces New Visa Options for Skilled Professionals and Digital Nomads (2025). Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-riqa/press/article/details/194459?lang=en> (accessed on: 15.09.2026).

24. Vyezdnye vizes. Dokumenty vizovoi podderzhki [Entry Visas and Visa Support Documents]. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. (In Russ.). URL: https://www.mfa.gov.by/visa/ru_visa_types/ (accessed on: 15.09.2026).

ОБ АВТОРЕ: Линецкий Никита Антонович, аспирант кафедры экономики труда и управления персоналом, ПАО «Сбербанк», Сибирский банк, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ), Новосибирск, Россия (e-mail: nlinetckii@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9253-6934; SPIN-РИНЦ: 2882-7229; ResearcherID: RBB-3209-2026).

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ABOUT THE AUTHOR: Nikita Antonovich Linetskiy, postgraduate student, Department of Labor Economics and Human Resource Management, Sberbank PJSC, Siberian Bank, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM), Novosibirsk, Russia (e-mail: nlinetckii@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9253-6934; SPIN-RSCI: 2882-7229; ResearcherID: RBB-3209-2026).

CONFLICT OF INTEREST

The author declares no conflict of interest.